

Развитие личности в социальном пространстве

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
УДК 159.923

DOI: 10.31862/2073-9788-2026-2-58-71

Александр Николаев

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СО ЗНАЧИМЫМ ВЗРОСЛЫМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В настоящем исследовании изучалась роль идентификации со значимым взрослым как механизма трансляции черт феминности-маскулинности. Теоретической основой послужила концепция В. С. Мухиной о структурных звеньях самосознания. Выборку составили 209 диад «респондент ($M_x = 19,8$; $SD = 2,1$; 40% мужчин) – значимый взрослый ($M_x = 34,9$; $SD = 13,1$; 43% мужчин)». Применялись опросник HEXACO-PI-R (для расчета коэффициента личностного отождествления) и методика «Маскулинность, феминность, гендерный тип личности». Данные анализировались методом множественной регрессии с проверкой эффекта модулируемой модерации. Результаты показали, что выраженность идентификации значимо опосредует сходство полоролевых характеристик в диаде. Обнаружено статистически значимое трехстороннее взаимодействие: связь между показателями феминности-маскулинности респондента и значимого взрослого усиливается при высоком уровне идентификации и совпадении пола в диаде. В разнополых парах эффект нивелируется. При низкой идентификации в однополых диадах выявлена негативная связь, интерпретируемая как обособление. Полученные данные уточняют механизм идентификации и позволяют выдвинуть предположение о значимом взрослом как зоне ближайшего развития для полоролевой идентичности.

Ключевые слова: идентификация; значимый взрослый; полоролевая идентичность; юношеский возраст; маскулинность; феминность; половая идентификация

Для цитирования: Николаев А. А. Идентификация со значимым взрослым как фактор развития полоролевой идентичности // Развитие личности. 2026. № 2. С. 58–71. DOI: 10.31862/2073-9788-2026-2-58-71.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Abstract. The study examined the role of identification with a significant adult as a mechanism for the transmission of masculinity and femininity traits. The theoretical framework was based on V. S. Mukhin's concept of the structural components of self-consciousness. The sample consisted of 209 dyads: respondent ($M = 19,8$; $SD = 2,1$; 40% male) and significant adult ($M = 34,9$; $SD = 13,1$; 41% male). The HEXACO-PI-R questionnaire was used to calculate the coefficient of personal identification, and the technique "Masculinity, Femininity, Gender Type of Personality" was employed to assess gender-related characteristics. Data were analyzed using multiple regression with a test for moderated moderation effects. The results indicate that the strength of identification significantly mediates the similarity of gender-role characteristics within the dyad. A statistically significant three-way interaction was observed: the association between the respondent's and the significant adult's masculinity-femininity indicators were strengthened at high levels of identification and when there was a gender match within the dyad. In opposite-sex dyads, this effect was nullified. In same-sex dyads with low identification, a negative relationship emerged, which was interpreted as differentiation. The findings clarify the mechanism of identification and support the assumption that a significant adult functions as a zone of proximal development for gender-role identity.

Keywords: identification; significant adult; gender-role identity; young adulthood; masculinity; femininity; gender identification

For citation: Nikolaev A. A. Identification with a Significant Adult as a Factor in the Development of Gender Role Identity. *Development of Personality*. 2026. No. 2. Pp. 58–71 (in Russian). DOI: 10.31862/2073-9788-2026-2-58-71.

Феномен полоролевой идентичности является одним из ключевых аспектов личностного развития, связанных с психологическим благополучием [1] и психическим здоровьем [2; 3]. В условиях значительных социокультурных изменений возрастает научный интерес к изучению механизмов формирования данного типа идентичности. Многие классические исследования показали, что вариативность маскулинных и фемининных черт личности частично объясняется генетическими факторами [4; 5], что вполне встраивается и в современную парадигму рассмотрения личностных диспозиций [6]. Однако исследования вклада средовых факторов в вариативность личностного профиля показывают спорные результаты, свидетельствуя как об интернациональной инвариативности черт личности [7], так и о значительной роли культурных и средовых факторов [8]. Косвенно это показывает недостаточность разработки проблематики личностных диспозиций в целом, а также черты феминности-маскулинности в частности.

Современные исследования, несмотря на свою немногочисленность, освещают роль ближайшего социального окружения и значимых взрослых в развитии личности.

Актуальность изучения механизмов формирования идентичности в современном обществе

Так, исследование С. Д. Гуриевой и коллег показывает сплоченность ценностных профилей семейных систем, подтверждая теорию межпоколенческой трансмиссии ценностей [9]. А недавняя работа D. Chen, C. Liu, E. E. Nolasco

также показала согласующиеся результаты по параметру моральных качеств личности [10]. L. Varghese и L. Finkelstein показали, что убеждения о самоэффективности передаются от наставника к его протеже [11]. R. M. Pedersen и коллеги установили, что личностное сходство студентов с их академическим наставником связано с качеством совместной работы и уровнем притязаний в области академической карьеры (у студентов) [12].

В последнее время особое внимание уделяется фигуре значимого взрослого и его роли в развитии личности [13]. Термин «значимый взрослый» может рассматриваться как старший человек, имеющий особое ценностно окрашенное значение для личности, такой, на которого ориентируются, с которым протекает личностная идентификация [14]. При этом эмпирических работ, исследующих роль значимого взрослого в развитии личности в юношеском возрасте, относительно мало. Согласно J. Boeder и коллегам, люди, имевшие карьерных наставников, с которыми поддерживались прочные отношения, в период становящейся взрослости сообщали о более высоком уровне процветания (flourishing) и субъективного благополучия [15]. Благоприятствующее взаимодействие со значимым взрослым (Important Non-parental Adult) также ассоциировано с позитивным личностным развитием [16].

Роль значимых взрослых как агентов полоролевой социализации достаточно слабо изучена, несмотря на широкий научный капитал по смежным тематикам, показывающий роль других агентов социализации. Например, в исследованиях А. А. Усольцевой [17; 18] показано, что у девушек, находящихся в неконгруэнтных идентификационных отношениях (когда женщина в «мужском» спорте), половая идентификация протекает нарушенно, возникает внутренний конфликт, ведущий к формированию убеждения «лучше быть маскулинной, как мужчина». Работа И. Л. Левиной также освещает проблематику вынужденной идентификации девушек с маскулинной средой, не соответствующей фемининным схемам поведения, что впоследствии может негативно сказываться на личностном развитии [19].

В текущем исследовании я опираюсь на концепцию академика РАО, доктора психологических наук, профессора В. С. Мухиной «Феноменология бытия и развития личности» и рассматриваю черты феминности-маскулинности как компоненты третьего звена самосознания – половой идентификации. В рамках этого подхода В. С. Мухина писала о повышенной для человека значимости развития половой идентичности и гендерных ролей в юношеском возрасте [20]. Обостренные идентификационные механизмы, особая чувствительность к внешним воздействиям, присущие юноше или девушке, могут сыграть критическую роль в развитии полоролевой идентичности.

В рамках выбранного теоретико-методологического подхода основным механизмом наполнения структурных звеньев самосознания является идентификация-обособление. Посредством процесса идентификации происходит уподобление и принятие психических состояний, диспозиций, ценностей и прочих составляющих психической жизни другого человека. Таким образом, первая гипотеза нашего исследования принимает следующий вид: выраженность идентификации личности со значимым взрослым определяет сходство черт феминности-маскулинности. Вторая гипотеза: сила опосредования связи феминности-маскулинности респондента и значимого взрослого зависит от совпадения пола в диаде.

*Социальное окружение
как агент полоролевой
социализации*

*Полоролевая
идентичность
в контексте
феноменологии развития
и бытия личности*

Общая выборка составила 209 диад «респондент – значимый взрослый». Возраст респондентов был в диапазоне от 18 до 25 $M_x = 19,8$ ($SD = 2,1$), 40% мужчин. Все респонденты проживают в городах с населением свыше миллиона человек.

Материалы и методы.

Выборка. Опросники

Средний возраст выбранных ими значимых взрослых $M_x = 34,9$ ($SD = 13,1$), 43% мужчин (в среднем возраст значимого взрослого был на 14,5 лет больше возраста респондента;

$W = 5,5$, $p < 0,001$). Статистически достоверной связи между полом респондента и полом значимого взрослого не обнаружено ($\chi^2(1) = 0,405$; $p = 0,53$). Несмотря на то что девушки незначительно чаще выбирают женщин, эта разница не выходит за рамки случайной вариации. Однополых диад 59%. В качестве значимых взрослых чаще всего выступали мама (28%), старший друг или подруга (19%), девушка или парень (15%), старший брат или сестра (13%), отец (9%), преподаватели в школе или университете (9%), а также бабушки или дедушки, супруги, тети или дяди, крестные.

По опроснику HEXACO-PI-R [21], средняя α -Кронбаха для всех шкал – $\alpha = 0,571$, конфирматорная факторная структура второго порядка показала удовлетворительные меры соответствия $RMSEA = 0,0718$; $\chi^2(3297) = 1579$; $p < 0,001$. Хотя показатели внутренней согласованности относительно низкие, стоит учитывать, что опросник не использовался для измерения личностных конструктов самих по себе, а как набор дескрипторов, приблизительно описывающих личность человека. Шестифакторная модель, согласно А. М. Мишкевич и коллегам, подходит лучше всего для российской выборки [22], что послужило основополагающим фактором при подборе списка дескрипторов на основе психолексического подхода.

Методика «Маскулинность, феминность, гендерный тип личности» [23] показала удовлетворительные меры надежности: для маскулинности $\alpha = 0,854$; для феминности $\alpha = 0,790$; $RMSEA = 0,0774$; $\chi^2(321) = 1145$; $p < 0,001$.

Исследование было организовано в смешанном формате (онлайн и офлайн). Условием участия в исследовании являлось наличие в жизни человека значимого взрослого, кото-

Ход работы

рому он мог бы передать психодиагностический инструментарий. В первую очередь участникам предлагалось заполнить анкету с социодемографическими данными, а также давалась

инструкция: «Мы бы хотели узнать, кто для Вас является значимым взрослым. То есть таким человеком, который для Вас особенно важен и авторитетен, возможно, Вы ориентируетесь на него, прислушиваетесь к нему, сравниваете и/или отождествляете себя с этим человеком». Далее респонденты заполняли анкету участника исследования, опросник HEXACO-PI-R в варианте «за себя» (традиционная форма прохождения опросника) и «за другого» (так, как им кажется, прошёл бы выбранный ими значимый взрослый). После этого респондентами и их значимыми взрослыми заполнялась методика «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности».

Анализ включал проверку гипотез об опосредовании сходства черт феминности-маскулинности респондента и выбранного им значимого взрослого, а также

Аналитическая стратегия

о трехстороннем взаимодействии (модерируемой модели) между феминностью-маскулинностью респондента и феминностью-маскулинностью значимого

взрослого с учетом уровня личной идентификации с этим взрослым и совпадения пола респондента и взрослого.

Баллы методик проходили ряд преобразований. Так, показатель личностного отождествления, или коэффициент идентификации со значимым взрослым, считался при помощи коэффициента корреляции Пирсона по дескрипторам методики HEXACO-PI-R варианта «за себя» и «за другого». Таким образом, выраженность идентификации могла находиться в диапазоне от -1 до 1 : чем больше было значение, тем сильнее выражалось отождествление респондента со значимым взрослым.

Было принято решение об использовании относительного показателя феминности-маскулинности вместо абсолютных баллов по маскулинности и феминности отдельно друг от друга. Для этого из балла маскулинности вычитался балл феминности. Таким образом, получался общий результат, свидетельствующий о преобладании той ли иной черты: чем выше был бал, тем сильнее была выражена маскулинность, чем ниже, тем сильнее выражена феминность, близость к нулю означала отсутствие преобладаний той или иной черты. Данная мера была предпринята для изучения обобщенных тенденций в области полоролевых черт личности, а не маскулинности или феминности по отдельности.

Предикторы (маскулинность респондента и личностная идентификация) были центрированы [24]. Гомоскедастичность проверялась с помощью теста Бройша-Пагана, нормальность распределения остатков оценивалась через тест Шапиро-Уилка, мультиколлинеарность проверялась через VIF. Размер эффекта для каждого предиктора рассчитывался как частное эта-квадрат (η^2_p), где значения $0,01$, $0,06$ и $0,14$ интерпретировались как малый, средний и большой эффект соответственно [25]. Для повышения надежности оценок косвенных эффектов и доверительных интервалов применялся бутстреп на 5000 репликаций (методом BCa) [26].

Проводился анализ простых наклонов: рассчитывались условные эффекты маскулинности респондента при комбинациях модераторов (низкий/средний/высокий уровень личной идентификации при одинаковом и разном поле), а также строились графики взаимодействий для визуализации паттернов модерации. Все анализы выполнялись в статистическом программном обеспечении Jamovi ver. 2.6.44, визуализация проводилась в статистической среде программирования RStudio (ver. 4.4.1). Размер выборки ($N = 209$) обеспечивал статистическую мощность $0,92$ для обнаружения среднего эффекта ($f^2 = 0,15$) в регрессионной модели с семью предикторами при $\alpha = 0,05$ [27].

Итоговое регрессионное уравнение, проверяющее гипотезы исследования имеет следующую форму:

$$\Phi - M_p = \beta_0 + \beta_1 \left(\Phi - M_{зн} \right) + \beta_2 (ЛО) + \beta_3 (Пол) + \beta_4 \left(\Phi - M_{зн} \times ЛО \right) + \\ + \beta_5 \left(\Phi - M_{зн} \times Пол \right) + \beta_6 (ЛО \times Пол) + \beta_7 \left(\Phi - M_{зн} \times ЛО \times Пол \right) + \varepsilon$$

где « $\Phi - M$ » – разность маскулинности и феминности, «ЛО» – показатель личностного отождествления, «Пол» – дихотомический показатель совпадения/несовпадения пола в диаде, β – регрессионный коэффициент, ε – остаток, β_0 – константа; индекс «р» обозначает результат респондента, индекс «зн» обозначает результат значимого взрослого.

Наибольший интерес в рамках поставленных гипотез представляют результаты с коэффициентами β_4 (связано ли личностное отождествление с взаимосвязью гендерных характеристик) и β_7 (различается ли модулирующий эффект личностного отождествления в зависимости от пола).

Корреляционный анализ (таблица 1) с использованием критерия Спирмена показал, что маскулинность респондента и значимого взрослого слабо коррелируют ($r_s = 0,193$, $p < 0,01$), еще слабее выявлена связь по феминности ($r_s = 0,154$, $p < 0,05$).

Результаты исследования

Таблица 1

Описательные статистики и корреляции исследуемых параметров (N = 209)

	М (SD)	1	2	3	4	5	6
ЛО	0,299 (0,262)	–					
Маскулинность _р	30 (6,52)	0,179**	–				
Феминность _р	34,5 (5,6)	–0,026	–0,026	–			
Ф–М _р	–4,46 (8,8)	0,154*	0,765***	–0,620***	–		
Маскулинность _{зн}	32,2 (6,58)	–0,073	0,193**	–0,032	0,149*	–	
Феминность _{зн}	32,5 (6,62)	0,043	0,132	0,154*	0,001	–0,270***	–
Ф–М _{зн}	–0,354 (10,4)	–0,061	0,037	–0,117	0,093	0,787***	–0,779***

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; индекс «р» обозначает результат респондента, индекс «зн» обозначает результат значимого взрослого, «Ф–М» – разница между маскулинностью и феминностью (чем больше балл, тем больше выражена маскулинность).

Проведен анализ трехсторонней модерации, показавший приемлемые меры соответствия: $R^2 = 0,134$, $F(7, 201) = 4,43$, $p < 0,0001$. Остатки не были гетероскедастичны ($BP(7) = 7,78$, $p > 0,05$). Остатки с высокой вероятностью нормально распределены (рис. 1) ($W = 0,99$, $p > 0,05$). Не было обнаружено мультиколлинеарности (все значения VIF не превышали 1,36).

Соответствие модели

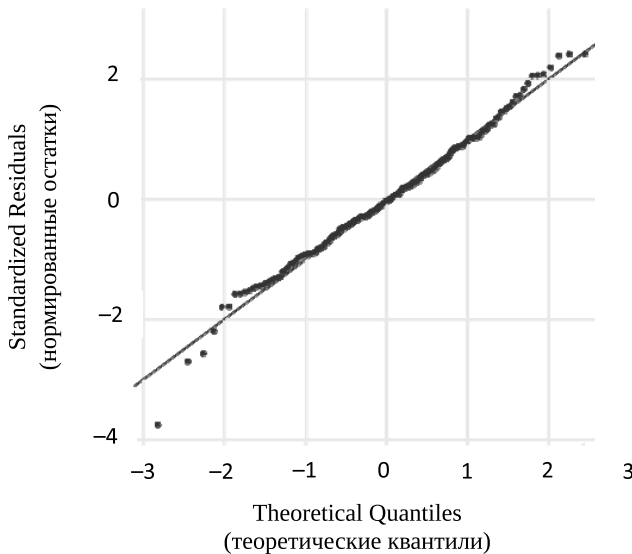

Рис. 1. Q-Q график для регрессионных остатков

Было показано (таблица 2), что выраженность личностного отождествления (идентификации со значимым взрослым) модулирует связь феминности-маскулинности респондента ($\beta = 0,231, p < 0,01$). Примечательно, что в рамках регрессионного решения феминность-маскулинность значимого взрослого не предсказывала феминность-маскулинность респондента ($\beta = 0,067, p > 0,05$) сама по себе и даже при контроле одинакового пола ($\beta = 0,236, p > 0,05$). В то же время было подтверждено трехстороннее взаимодействие феминности-маскулинности (рис. 2) значимого взрослого с уровнем личностного отождествления (идентификации с ним респондента) и одинакового пола ($\beta = 0,316, p < 0,05$).

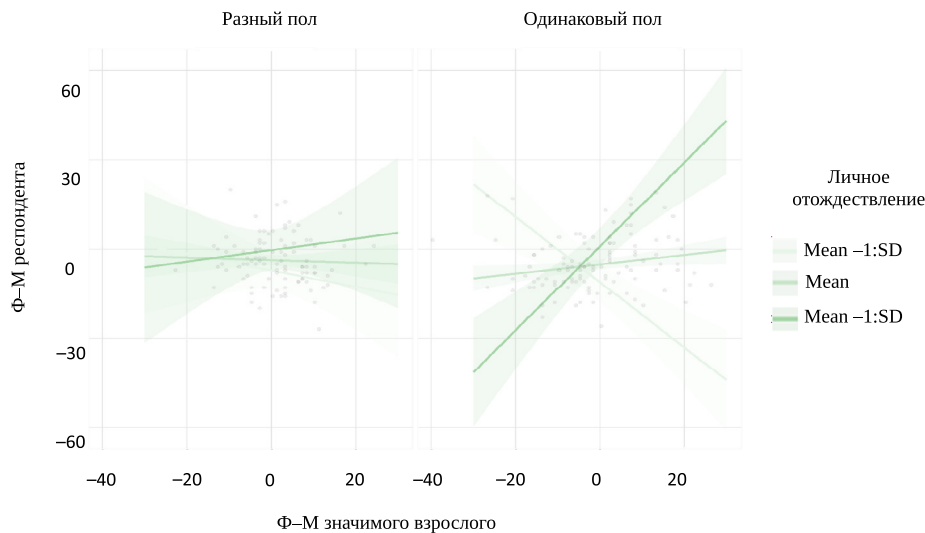

Рис. 2. График простых наклонов в условии совпадения или несовпадения пола

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа (N = 209)

Переменные	Коэффициент	СО	Нижний ДИ	Верхний ДИ	B	t	η^2p
Константа	-4,442	0,592	-5,602	-3,307	0,002	-7,509***	0,134
Пол	-1,386	1,183	-3,698	0,871	-0,157	-1,171	0,007
ЛО	4,697	2,253	0,324	9,250	0,140	2,085*	0,021
Ф-М _{зн}	0,057	0,065	-0,069	0,172	0,067	0,874	0,004
Пол × ЛО	2,647	4,506	-6,482	11,184	0,079	0,588	0,002
Пол × Ф-М _{зн}	0,199	0,130	-0,020	0,461	0,236	1,527	0,011
ЛО × Ф-М _{зн}	0,746	0,226	0,343	1,330	0,231	3,304**	0,052
Пол × ЛО × Ф-М _{зн}	1,020	0,451	-0,044	1,994	0,316	2,260*	0,025

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; индекс «р» обозначает результат респондента, индекс «зн» обозначает результат значимого взрослого, «Ф-М» – разница между маскулинностью и феминностью (чем больше балл, тем больше выражена маскулинность).

Анализ простых наклонов показал (таблица 3), что при совпадении пола в диаде идентификация со значимым взрослым значимо усиливает связь показателей феминности-маскулинности респондента и значимого взрослого (рис. 1): при низком уровне идентификации связь ослабляется (-1 SD ; $\beta = -0,204$, $p < 0,05$), а при высоком, напротив, в значительной степени усиливается ($+1 \text{ SD}$; $\beta = 0,574$, $p < 0,0001$). Важно учесть, что при параметре разного пола в диаде модулирующий эффект пропал ($p > 0,05$).

Анализ простых наклонов

Таблица 3

Статистики простых наклонов для модулируемой модерации (N = 209)

Пол	ЛО	В	СО	Нижний ДИ	Верхний ДИ	β	t
Разный	Mean-1-SD	-0,104	0,124	-0,560	0,097	-0,123	-0,840
	Mean	-0,043	0,111	-0,264	0,137	-0,050	-0,384
	Mean+1-SD	0,019	0,166	-0,255	0,275	0,023	0,115
Одинаковый	Mean-1-SD	-0,172	0,085	-0,403	0,030	-0,204	-2,022*
	Mean	0,157	0,068	0,036	0,309	0,185	2,287*
	Mean+1-SD	0,486	0,108	0,318	0,736	0,574	4,508***

Примечание: * $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Настоящее исследование подтвердило поставленную гипотезу об идентификации личности со значимым взрослым как механизме, определяющем сходство черт феминности-маскулинности в диаде «респондент – значимый взрослый». Чем сильнее выражена идентификация со значимым взрослым, тем большее сходство наблюдается по композитному параметру феминности-маскулинности в диаде. Важно учесть, что в регрессионной модели не было обнаружено значимого эффекта между феминностью-маскулинностью респондента и феминностью-маскулинностью значимого взрослого. Это может говорить о том, что простое наличие значимого человека в жизни личности не является достаточным, чтобы происходила трансляция полоролевых качеств, а, вероятно, необходимо наличие идентификации с этим человеком. Отсутствие значимого взаимодействия с параметром совпадения пола дополнительно подтверждает, что сам по себе одинаковый пол без учета идентификации не ведет к трансляции полоролевых качеств.

Обсуждение результатов

Гипотеза о выраженности идентификации личности со значимым взрослым как предикторе сходства черт феминности-маскулинности при контроле половых различий была подтверждена. Это является наиболее значимым результатом исследования, показывающим, что высокий уровень личностного отождествления (идентификации) со значимым взрослым весомо усиливает связь черт феминности-маскулинности только в том случае, когда в диаде совпадает пол. В парах с разным полом этот эффект отсутствует полностью. Этот результат уточняет классические идеи В. С. Мухиной об идентификации как механизме наполнения структурных звеньев самосознания (в данном случае третьего звена самосознания – половой идентификации) и согласуется с исследованиями

А. А. Усольцевой и И. Л. Левиной [18; 19], в которых было показано, как нарушение конгруэнтности пола модели и респондента (как в случае девушек в «мужских» видах спорта) затрудняет формирование гармоничной полоролевой идентичности, что в нашем исследовании выражается в отсутствии статистически значимых закономерностей по данным характеристикам в парах с разным полом.

Процесс наполнения полоролевой идентичности посредством идентификации, по-видимому, происходит преимущественно со значимым человеком того же пола,

Связность феминности-маскулинности сильнее подвержена идентификации в однополых диадах

что согласуется с классическими представлениями о полоролевой социализации [28]. Это также косвенно подтверждается эмпирическими исследованиями. Так, в работе С. Passavanti, S. Primario и P. Ripa экспериментально было показано, что развитие предпринимательских компетенций в процессе обучения лучше происходит при условии совпадения пола преподавателя (ролевой модели) и студента [29]. В целом мы можем найти ряд работ, показывающих, что трансляция психологических параметров, таких как доверие [30], тревожность [31], дифференциация «Я» [32], лучше протекают в однополых диадах. Можно предположить, что однополый значимый взрослый воспринимается как более релевантная модель для решения возрастных задач развития, в частности для построения собственной полоролевой идентичности в юношеском возрасте. Несовпадение по полу со значимым взрослым может выступать препятствием для идентификации по чертам феминности-маскулинности, но, возможно, не мешать трансляции психологических параметров в других сферах, в меньшей степени имеющих отношение к самосознанию или идентичности, например в удовлетворенности жизнью [33].

Особый интерес представляет результат анализа простых наклонов в однополых диадах, где при низком уровне личностного отождествления (идентификации)

Идентификация-обособление как двуединый механизм наполнения половой идентификации

наблюдается негативная связь между чертами респондента и значимого взрослого. Это значит, что при отсутствии значительного отождествления, ориентации на значимого взрослого его фигура может восприниматься как «антиидеал» или образец, от которого респондент стремится дистанцироваться. Это согласуется

со взглядами разных ученых о том, что юношеский возраст характеризуется не только подражанием, но и активным противопоставлением себя другим [20; 34]. И только по мере углубления идентификационных отношений (высокий уровень личностного отождествления) вектор связи меняется на положительный, как бы спонсируя уподобление по чертам феминности-маскулинности. Возможно, в данном случае нам удалось продемонстрировать двуединую природу механизма идентификации-обособления, рассматриваемого в рамках научной школы «Феноменологии развития и бытия личности».

1. Связь показателей феминности-маскулинности в диаде опосредуется выраженностью идентификации личности со значимым взрослым.

2. Связь показателей феминности-маскулинности в диаде значительно больше опосредуется

Основные выводы

идентификацией, если у респондента и значимого взрослого одинаковый пол. Если пол разный, связь нивелируется.

3. Полученные результаты могут говорить о роли значимого взрослого в развитии личности юношеского возраста. Он может выступать ролевой моделью, служить объектом идентификации, транслируя полоролевые черты при учете одинакового пола.

Коэффициент детерминации говорит о том, что объяснена лишь часть вариативности феминности-маскулинности респондента. Поперечный дизайн не позволяет установить причинно-следственные связи, что устанавливает дальнейшие перспективы исследования в виде лонгитюдных и экспериментальных подходов.

-
1. Горшкова А. С. Субъективное благополучие: роль совладающего поведения и стратегий поддержания гендерной идентичности // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2024. Т. 9. № 4. С. 47–83.
 2. Ениколопов С. Н. Идентичность в клинической психологии (обзор концепций и методов исследования) / С. Н. Ениколопов, Т. И. Медведева, О. Ю. Воронцова, О. М. Бойко // Психиатрия. 2025. Т. 23. № 3. С. 82–96.
 3. Karvonen M., Karukivi M., Kronström K., & Kaltiala R. The Nature of Co-Morbid Psychopathology in Adolescents with Gender Dysphoria // *Psychiatry Research*. 2022. Vol. 317. Pp. 114896.
 4. Loehlin J. C., Jönsson E. G., Gustavsson J. P., Stallings M. C., Gillespie N. A., Wright M. J., Martin N. G. Psychological Masculinity-Femininity via the Gender Diagnosticity Approach: Heritability and Consistency Across Ages and Populations // *Journal of Personality*. 2005. No. 73 (5). Pp. 1295–1320.
 5. Verweij K. J. H., Mosing M. A., Ullén F., Madison G. Individual Differences in Personality Masculinity-Femininity: Examining the Effects of Genes, Environment, and Prenatal Hormone Transfer // *Twin Research and Human Genetics*. 2016. No. 19 (2). Pp. 87–96.
 6. Arancibia M., Rojas J., Bustamante M. L. Heredity and personality: A review of concepts, methods, and evidence // *Gene*. 2025. Vol. 979. Pp. 149916.
 7. García L. F., Aluja A., Rossier J., Ostendorf F., Glicksohn J., Oumar B., Bellaj T., Ruch W., Wang W., Kövi Z., Ścigala D., Čekrlja Đ., Stivers A. W., Di Blas L., Valdivia M., Ben Jemaa S., Atitsogbe K. A., Hansenne M. Exploring the Stability of HEXACO-60 Structure and the Association of Gender, Age, and Social Position with Personality Traits across 18 Countries // *Journal of Personality*. 2022. No. 90 (2). Pp. 256–276.
 8. Church A. T. Personality Traits Across Cultures // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 8. Pp. 22–30.
 9. Гуриева С. Д. Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ / С. Д. Гуриева, Е. А. Юмкина, Е. А. Васина, И. В. Кузнецова // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 3. С. 38–59.
 10. Chen D., Liu C., Nolasco E. E. Intergenerational transmission of Moral Decision-Making Inclinations // *Family Relations*. 2024. No. 73 (5). Pp. 3250–3268.
 11. Varghese L., Finkelstein L. An Investigation of Self-Efficacy Crossover between Mentors and Protégés within Mentoring Dyads // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2021. No. 1483 (1). Pp. 80–97.

12. Pedersen R. M., Ferguson C. F., Estrada M., Schultz P. W., Woodcock A., Hernandez P. R. Similarity and Contact Frequency Promote Mentorship Quality among Hispanic Undergraduates in STEM // CBE – Life Sciences Education. 2022. No. 21 (2). Pp. ar27.
13. Басюк В. С., Илалтдинова Е. Ю. Значимый взрослый в развитии личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2024. № 213. С. 130–141.
14. Николаев А. А. Особенности восприятия личности значимого взрослого в контексте идентификации в юношеском возрасте // Развитие личности. 2025. № 2. С. 86–107.
15. Boeder J., Fruith V., Hwang S., Blanco G., Chan T. Learning to Love, Work, and Live Your Best Life: Mentoring in Emerging Adulthood Predicts Later Flourishing and Subjective Well-Being // Emerging Adulthood. 2022. No. 10 (5). Pp. 1222–1234.
16. Bowers E. P., Johnson S. K., Buckingham M. H., Gasca S., Warren D. J., Lerner J. V., Lerner R. M. Important Non-Parental Adults and Positive Youth Development across Mid-To Late-Adolescence: The Moderating Effect of Parenting Profiles // Journal of Youth and Adolescence. 2014. No. 43 (6). Pp. 897–918.
17. Усольцева А. А. Трудности в становлении гендерной идентичности спортсменок условно мужских видов спорта // Вестник спортивной науки. 2014. № 3. С. 56–59.
18. Усольцева А. А. Представления о гендерной идентичности профессиональных спортсменок и девушек, профессионально не занимающихся спортом // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 41 (9). С. 76–86.
19. Левина И. Л. Девочка в хоккее: согласование гендерной и спортивной ролей // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2022. № 205 (3). С. 585–592.
20. Мухина В. С. Юность // Развитие личности. 2022. № 1. С. 10–80.
21. Егорова М. С., Паршикова О. В., Митина О. В. Структура российского варианта шестифакторного личностного опросника HEXACO-PI-R // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 33–48.
22. Мишкевич А. М. Таксономия черт личности, основанная на прилагательных русского языка / А. М. Мишкевич, С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугин, У. Е. Сиротина, Ю. С. Витко // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 60–80.
23. Лопухова О. Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (Российский аналог “Bem sex role inventory”) // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 147–154.
24. Shieh G. Clarifying the Role of Mean Centring in Multicollinearity of Interaction Effects // British Journal of Mathematical and Statistical Psychology. 2011. No. 64 (3). Pp. 462–477.
25. Maher J. M., Markey J. C., Ebert-May D. The other Half of the Story: Effect Size Analysis in Quantitative Research // CBE – Life Sciences Education. 2013. No. 12 (3). Pp. 345–351.
26. Rousselet G., Pernet C. R., Wilcox R. R. An Introduction to the Bootstrap: A Versatile Method to Make Inferences by Using Data-Driven Simulations // Meta-Psychology. 2023. Vol. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/376344103_An_introduction_to_the_bootstrap_a_versatile_method_to_make_inferences_by_using_data-driven_simulations (дата обращения: 08.04.2026).
27. Farahani H., Roshan Ch. R. Calculation and Justification of Sample Size in Researches of Psychological Sciences: Application of G*Power Software // Clinical Psychology and Personality. 2023. No. 20 (2). Pp. 221–234.

28. Kil H., Gath M., Grusec J. E. Dual Process in Parent-Adolescent Moral Socialization: The Moderating Role of Maternal Warmth and Involvement // *Journal of Adolescence*. 2023. No. 95 (4). Pp. 824–833.
29. Passavanti C., Primario S., Rippa P. How Entrepreneurial Role Models Impact on Entrepreneurial Outcomes: A Gender Perspective // *The International Journal of Management Education*. 2024. No. 22 (3). Pp. 101011.
30. Wu C. Intergenerational Transmission of Trust: A Dyadic Approach // *Socius*. 2022. Vol. 8. URL: https://www.researchgate.net/publication/358913996_Intergenerational_Transmission_of_Trust_A_Dyadic_Approach (дата обращения: 08.04.2026).
31. Pavlova B., Bagnell A., Cumby J., Vallis E. H., Abidi S., Lovas D., Propper L., Alda M., Uher R. Sex-Specific Transmission of Anxiety Disorders from Parents to Offspring // *JAMA Network Open*. 2022. No. 5 (7). Pp. e2220919.
32. Józefczyk A. Multigenerational Transmission of Differentiation of Self–Toward a More In-Depth Understanding of Bowen’s Theory Concept // *Journal of Marital and Family Therapy*. 2023. No. 49 (3). Pp. 634–653.
33. Augustijn L. The Intergenerational Transmission of Life Satisfaction between Parents and Children and the Mediating Role of Supportive Parenting // *Journal of Family Issues*. 2022. No. 43 (4). Pp. 855–874.
34. Hall J. A., Pennington N., Holmstrom A. J. Lonely and Connected in Emerging Adulthood: The Ambivalence of Sociality in a Time of Transitions // *PLoS One*. 2025. No. 20 (11). Pp. e0334787.

References

1. Gorshkova A. S. Subjektivnoe blagopoluchie: rol’ sovladayushchego povedeniya i strategii podderzhaniya gendernoi identichnosti. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial’naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2024. Vol. 9. No. 4. Pp. 47–83 (in Russian).
2. Enikolopov S. N., Medvedeva T. I., Vorontsova O. Yu., Boiko O. M. Identichnost’ v klinicheskoi psikhologii (obzor kontseptsii i metodov issledovaniya). *Psikhiatriya*. 2025. Vol. 23. No. 3. Pp. 82–96 (in Russian).
3. Karvonen M., Karukivi M., Kronström K., & Kaltiala R. The Nature of Co-Morbid Psychopathology in Adolescents with Gender Dysphoria. *Psychiatry Research*. 2022. Vol. 317. Pp. 114896.
4. Loehlin J. C., Jönsson E. G., Gustavsson J. P., Stallings M. C., Gillespie N. A., Wright M. J., Martin N. G. Psychological Masculinity-Femininity via the Gender Diagnosticity Approach: Heritability and Consistency Across Ages and Populations. *Journal of Personality*. 2005. No. 73 (5). Pp. 1295–1320.
5. Verweij K. J. H., Mosing M. A., Ullén F., Madison G. Individual Differences in Personality Masculinity-Femininity: Examining the Effects of Genes, Environment, and Prenatal Hormone Transfer. *Twin Research and Human Genetics*. 2016. No. 19 (2). Pp. 87–96.
6. Arancibia M., Rojas J., Bustamante M. L. Heredity and personality: A review of concepts, methods, and evidence. *Gene*. 2025. Vol. 979. Pp. 149916.
7. García L. F., Aluja A., Rossier J., Ostendorf F., Glicksohn J., Oumar B., Bellaj T., Ruch W., Wang W., Kövi Z., Ścigała D., Čekrljia Đ., Stivers A. W., Di Blas L., Valdivia M., Ben Jemaa S., Atisogbe K. A., Hansenne M. Exploring the Stability of HEXACO-60 Structure and the Association of Gender, Age, and Social Position with Personality Traits across 18 Countries. *Journal of Personality*. 2022. No. 90 (2). Pp. 256–276.
8. Church A. T. Personality Traits Across Cultures. *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 8. Pp. 22–30.

9. Gurieva S. D., Yumkina E. A., Vasina E. A., Kuznetsova I. V. Tsennostnye orientatsii v sem'e: sotsial'no-psikhologicheskii analiz. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2024. Vol. 15. No. 3. Pp. 38–59 (in Russian).
10. Chen D., Liu C., Nolasco E. E. Intergenerational transmission of Moral Decision-Making Inclinations. *Family Relations*. 2024. No. 73 (5). Pp. 3250–3268.
11. Varghese L., Finkelstein L. An Investigation of Self-Efficacy Crossover between Mentors and Protégés within Mentoring Dyads. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2021. No. 1483 (1). Pp. 80–97.
12. Pedersen R. M., Ferguson C. F., Estrada M., Schultz P. W., Woodcock A., Hernandez P. R. Similarity and Contact Frequency Promote Mentorship Quality among Hispanic Undergraduates in STEM. *CBE – Life Sciences Education*. 2022. No. 21 (2). Pp. ar27.
13. Basyuk V. S., Ilaltdinova E. Yu. Znachimyi vzroslyi v razvitii lichnosti. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2024. No. 213. Pp. 130–141 (in Russian).
14. Nikolaev A. A. Osobennosti vospriyatiya lichnosti znachimogo vzroslogo v kontekste identifikatsii v yunosheskom vozraste. *Razvitie lichnosti = Development of Personality*. 2025. No. 2. Pp. 86–107 (in Russian).
15. Boeder J., Fruith V., Hwang S., Blanco G., Chan T. Learning to Love, Work, and Live Your Best Life: Mentoring in Emerging Adulthood Predicts Later Flourishing and Subjective Well-Being. *Emerging Adulthood*. 2022. No. 10 (5). Pp. 1222–1234.
16. Bowers E. P., Johnson S. K., Buckingham M. H., Gasca S., Warren D. J., Lerner J. V., Lerner R. M. Important Non-Parental Adults and Positive Youth Development across Mid-To Late-Adolescence: The Moderating Effect of Parenting Profiles. *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. No. 43 (6). Pp. 897–918.
17. Usoltseva A. A. Trudnosti v stanovlenii gendernoi identichnosti sportsmenok uslovno muzhskikh vidov sporta. *Vestnik sportivnoi nauki*. 2014. No. 3. Pp. 56–59 (in Russian).
18. Usoltseva A. A. Predstavleniya o gendernoi identichnosti professional'nykh sportsmenok i devushek, professional'no ne zanimayushchikhsya sportom. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2014. No. 41 (9). Pp. 76–86 (in Russian).
19. Levina I. L. Devochka v khokkee: soglasovanie gendernoi i sportivnoi rolei. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. 2022. No. 205 (3). Pp. 585–592 (in Russian).
20. Mukhina V. S. Yunost'. *Razvitie lichnosti = Development of Personality*. 2022. No. 1. Pp. 10–80 (in Russian).
21. Egorova M. S., Parshikova O. V., Mitina O. V. Struktura rossiiskogo varianta shestifaktornogo lichnostnogo oprosnika HEXACO-PI-R. *Voprosy psikhologii*. 2019. No. 5. Pp. 33–48 (in Russian).
22. Mishkevich A. M., Shchebetenko S. A., Kalugin A. Yu., Sirotina U. E., Vitko Yu. S. Taksonomiya chert lichnosti, osnovannaya na prilagatel'nykh russkogo yazyka. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. 2024. No. 91. Pp. 60–80 (in Russian).
23. Lopukhova O. G. Oprosnik "Maskulinnost', feminnost' i gendernyi tip lichnosti" (Rossiiskii analog "Bem sex role inventory"). *Voprosy psikhologii*. 2013. No. 1. Pp. 147–154 (in Russian).
24. Shieh G. Clarifying the Role of Mean Centring in Multicollinearity of Interaction Effects. *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. 2011. No. 64 (3). Pp. 462–477.
25. Maher J. M., Markey J. C., Ebert-May D. The other Half of the Story: Effect Size Analysis in Quantitative Research. *CBE – Life Sciences Education*. 2013. No. 12 (3). Pp. 345–351.

26. Rousselet G., Pernet C. R., Wilcox R. R. An Introduction to the Bootstrap: A Versatile Method to Make Inferences by Using Data-Driven Simulations. *Meta-Psychology*. 2023. Vol. 7. Available at: https://www.researchgate.net/publication/376344103_An_introduction_to_the_bootstrap_a_versatile_method_to_make_inferences_by_using_data-driven_simulations (accessed: 08.04.2026).
27. Farahani H., Roshan Ch. R. Calculation and Justification of Sample Size in Researches of Psychological Sciences: Application of G*Power Software. *Clinical Psychology and Personality*. 2023. No. 20 (2). Pp. 221–234.
28. Kil H., Gath M., Grusec J. E. Dual Process in Parent-Adolescent Moral Socialization: The Moderating Role of Maternal Warmth and Involvement. *Journal of Adolescence*. 2023. No. 95 (4). Pp. 824–833.
29. Passavanti C., Primario S., Rippa P. How Entrepreneurial Role Models Impact on Entrepreneurial Outcomes: A Gender Perspective. *The International Journal of Management Education*. 2024. No. 22 (3). Pp. 101011.
30. Wu C. Intergenerational Transmission of Trust: A Dyadic Approach. *Socius*. 2022. Vol. 8. Available at: https://www.researchgate.net/publication/358913996_Intergenerational_Transmission_of_Trust_A_Dyadic_Approach (accessed: 08.04.2026).
31. Pavlova B., Bagnell A., Cumby J., Vallis E. H., Abidi S., Lovas D., Propper L., Alda M., Uher R. Sex-Specific Transmission of Anxiety Disorders from Parents to Offspring. *JAMA Network Open*. 2022. No. 5 (7). Pp. e2220919.
32. Józefczyk A. Multigenerational Transmission of Differentiation of Self–Toward a More In-Depth Understanding of Bowen’s Theory Concept. *Journal of Marital and Family Therapy*. 2023. No. 49 (3). Pp. 634–653.
33. Augustijn L. The Intergenerational Transmission of Life Satisfaction between Parents and Children and the Mediating Role of Supportive Parenting. *Journal of Family Issues*. 2022. No. 43 (4). Pp. 855–874.
34. Hall J. A., Pennington N., Holmstrom A. J. Lonely and Connected in Emerging Adulthood: The Ambivalence of Sociality in a Time of Transitions. *PLoS One*. 2025. No. 20 (11). Pp. e0334787.